

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М20

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — *Екатерина Фerez*

Ранее книга издавалась под названием
«Мой муж маньяк»

Мальшева, Анна Витальевна.

М20 Привидения являются в полдень: [роман] / Анна Мальшева. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 512 с. — (Задержи дыхание. Проза Анны Мальшевой).

ISBN 978-5-17-144843-1

Екатерина, служащая турбюро, поставила крест на семейной жизни и думает о переменах. Муж стал к ней равнодушен, ее старый друг, напротив, оказывает ей повышенное внимание. И все решилось бы просто, если бы одна за другой не начали погибать ее школьные подруги. Екатерина чувствует, что последней будет она сама... Но!.. По какому принципу убийца выбирает жертвы?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-144843-1

© Мальшева А., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Начинался дождь — один из первых майских дождей. В разрывах туч все еще сверкало солнце, его косые лучи освещали одну сторону длинного проспекта, но другая была уже в густой тени. На освещенной стороне редко мелькали фигуры прохожих, они вскидывали руки, к ним подъезжали машины — все торопилось укрыться от внезапной грозы, скорее попасть домой. На теневой стороне не было никого — или просто так казалось. Впрочем, один человек здесь все же был. Он тоже куда-то торопился, широко шагал, придерживая рукой развевающиеся полы плаща, нервно оглядывался по сторонам, как будто что-то искал. Солнце скрылось, дождь припустил сильнее, прохожие исчезли. Мужчина втянул голову в плечи, прикрыл ладонью затылок, но это мало помогло, он промок насквозь. Еще несколько шагов — и он буквально впрыгнул в телефонную будку, захлопнув за собой дверь с выбитыми стеклами, удостоверился, что автомат исправен, и торопливо набрал номер. Ожидая, пока ему ответят, он озирался по сторонам, высматривая прохожих. Но дождь уже стоял сплошной белой стеной, и даже если бы кто-то и прошел мимо, то вряд ли бы заметил человека в будке. Наконец ему ответили. Он говорил что-то, сбиваясь, явно путаясь в словах, звук его голоса совершенно заглушался шумом дождя. Порыв ветра распахнул дверцу и с грохотом захлопнул ее снова. Мужчина вздрогнул, оглянулся и заговорил громче.

АННА МАЛЫШЕВА

— Нам непременно надо встретиться... — Это он повторил несколько раз, выбирая самые убедительные интонации. — Непременно. Как можно скорее. Да. Да. Лучше сегодня.

По его загорелой шее пробежала капля влаги и скрылась за измятым воротником рубашки. Капля дождя или пота? Другая капля сорвалась с кончика черной прядки волос, прилипшей к виску. Он вытер лоб тыльной стороной ладони, сказал: «Хорошо» — и повесил трубку. Хлопнул дверцей, запахнулся в плащ и вскоре исчез в белой пелене дождя. Теперь на проспекте на самом деле не было никого.

Женщина положила трубку и взглянула на себя в зеркало. Что-то ее там заинтересовало, и она включила настенный светильник, нагнулась поближе к стеклу. Долго разглядывала себя, проводила кончиками пальцев по корням жестких обесцвеченных волос, шурила покрашенные ресницы, поджимала губы. Потом раздраженно отстранилась от зеркала и сказала самой себе: «Скоро тридцать». Пожала плечами, усмехнулась, прошла в комнату. Было девять часов вечера, но на улице шел дождь, и в комнате было совсем темно. Женщина постояла у окна, заглянула за шкаф, поставленный так, что он отгораживал кроватьку ее сына. Ребенок спал, раскинувшись поверх одеяла. Женщина осторожно укрыла его, подоткнув одеяло со всех сторон, отошла на цыпочках и снова тихо пробормотала:

— Кому это нужно?

Что она при этом имела в виду, осталось неясным — женщина уже долгое время жила одна, и у нее, как у многих одиноких людей, появилась привычка разговаривать с самой собой подобными отрывистыми фразами.

На кухне она налила себе чашку кофе, сделала пару глотков. Кофе оказался теплым, и она вылила содержимое чашки в раковину. Двигалась она порывисто, угловато. По лицу было видно, что мыслями она где-то очень далеко от этого кофе, от

Привидения являются в полдень

своей тесной квартирке, от ребенка — вообще от всего, что ее окружало. Она машинально сунула руку в карман, достала пачку сигарет, открыла ее, заглянула. Пачка была пуста.

— Где была моя голова? — спросила сама себя женщина. — Черт это все возьми, где вообще все время была моя голова?

Она швырнула пустую пачку в мусорное ведро и торопливо вышла в прихожую. Накинула плащ, проверила деньги в кошельке, крупные купюры вытащила и оставила на полочке рядом с телефоном. С собой взяла только пяти тысячную бумажку — на сигареты. Прислушалась к звукам. Слышен был только шум дождя за окнами. Ребенок крепко спал. Женщина взяла зонтик и вышла из квартиры, заперев за собой дверь на все замки.

Она торопливо прошла по темному двору, свернула за угол дома и вышла на хорошо освещенную улицу. Прямо перед ней в небе светилась неоновая реклама Мострансагентства, правее мигали огоньки ночного магазинчика. Но она шла мимо них, дальше, к зданию метро, вокруг которого густо расположились ночные палатки. Там кипела жизнь: парни в кожаных «косухах» громко смеялись, сразу из трех динамиков над разными киосками звучала музыка, гуляла совершенно пьяная и совершенно промокшая девица, время от времени пытаясь закурить под дождем. Сигареты у нее тут же намокали и гасли, и тогда девица тихо, но отчетливо ругалась. Неподалеку от метро стояла милицейская патрульная машина, и около нее мыкался упитанный паренек в бронежилете и с автоматом.

Женщина выбрала в одном из киосков пачку своих обычных сигарет — она предпочитала крепкие, «Лаки страйк», — расплатилась, тут же, не отходя от киоска, распечатала пачку, польхнула зажигалкой и под прикрытием зонтика спокойно отправилась обратно. Какой-то кавказец попросился к ней под зонтик — он, дескать, вымок, какой-то парень проводил ее остекленевшими глазами. «Накурился», — подумала она

АННА МАЛЫШЕВА

про парня, а кавказцу ничего не ответила. Для того чтобы отшить подобных кавалеров, у нее всегда уходило немного усилий. «А вот чтобы кого надо приворожить, — вздохнула она про себя, затыгиваясь резким, щекочущим дымом, — вот для этого ума надо побольше... Дождь вроде кончился».

Действительно, дождь кончался, только изредка с черного неба капало. Женщина закрыла зонтик, отряхнула его и пошла неторопливо, пользуясь возможностью прогуляться перед сном. «Может, хоть усну нормально, — думала она, стараясь держаться поближе к освещенной магистрали. — Хотя нет, поможет мне прогулка как мертвому припарки... Делай что хочешь — не уснешь. Почему я такая дура? Почему другие как-то могут устраиваться, а я — нет? И сегодня он опять отказался зайти. Стоило унижаться! Очень он нужен своей красавице, можно подумать! Эта наглая тварь никогда его за человека не держала... Детей у них нет. А я? Нет, я что-то не то делаю. Надо что-то решать!»

Этой женщине было всего двадцать восемь лет, у нее были хорошая фигура, мягкие ухоженные руки, красивые голубые глаза. У нее были однокомнатная квартира в хорошем районе Москвы, норковая шубка из кусочков, машина — правда, не на ходу, — два золотых кольца с мелкими бриллиантами (которые остались у нее дома, на полочке рядом с телефоном). Два золотых кольца, ни одно из них не было обручальным. Еще у женщины был сын. И она, имея все это, чувствовала себя глубоко несчастной. В этот майский вечер и во все предыдущие вечера.

«Есть еще один выход! — думала она, отходя несколько в сторону от дороги, чтобы несущиеся мимо машины не обдали брызгами ее светлый плащ. — Надо позвонить ему, то есть уже не ему, а прямо ей. Позвонить и все сказать. Какого черта я до сих пор молчу?! Представляю себе сцену, представляю! Стоит ей только все узнать!»

ПРИВИДЕНИЯ ЯВЛЯЮТСЯ В ПОЛДЕНЬ

С этими мыслями женщина вошла к себе во двор, ступая еще медленнее и осторожнее, чтобы не свернуть каблук. Окурок она выбросила, он прочертил в воздухе огненную дугу и шлепнулся в лужу. Где-то сзади хлопнула дверца машины. Женщина открыла дверь своего подъезда, ступила в душную темноту, удивилась тому, что лампочка, которая при ее выходе горела на площадке первого этажа, теперь потухла. «Перегорела, как назло, — подумала она. — Или вывернули, очень просто. Бабки из нашего же дома выворачивают и свои, перегоревшие, вворачивают. Очень даже просто».

Она занесла ногу над ступенькой, опасаясь попасть мимо, неуверенно ступила. Занесла другую ногу, крепче взялась за перила. В доме не было лифта, о чем она всегда очень жалела. Подняв голову, она отметила, что темно и на площадке второго этажа. «Чушь какая, ведь когда я уходила, было светло, — удивилась она. — А на третьем? Нет, на моем этаже вроде горит... Что за дела?»

На площадке первого этажа не было дверей — с другой стороны дома располагался продуктовый магазин. Она протянула вперед руку, чтобы не вытереть плащом не очень чистую стену. В это время хлопнула дверь — в подъезд кто-то вошел. Она обернулась, но, конечно, никого не увидела.

— Темень какая, — сказала она тем не менее полагая, что это кто-то из соседей.

«Давно пора поставить домофон, шляются всякие!» — подумала она. Никто ей не ответил, раздались быстрые шаги — бетонная площадка, три ступеньки. Неизвестно почему, она осталась на месте. Может быть, потому, что и на втором этаже было темно, бежать было бы трудно. Если бы там было светло, она бы еще попробовала.

— Что... — успела только начать сдавленным голосом, всей кожей чувствуя неладное, как тут же узнала мужчину, который подошел вплотную. — Тьфу, это ты! Как ты меня напугал! Что ты тут делаешь?

АННА МАЛЫШЕВА

Мужчина поднялся еще на одну ступеньку, и она в который раз отметила, насколько он выше ее. Она смотрела на него снизу вверх. Его лица она не различала в темноте, но узнавала его, как узнают своих старых знакомых по фигуре, по форме головы, даже по дыханию. А его она узнала еще и по запаху одеколона. Он всегда пользовался одним и тем же одеколоном, и однажды она спросила, как он называется. Услышав ответ, засмеялась: «Это так тебе подходит!»

— Ты что, в гости? — спросила она, отступая немного назад, чтобы они могли вдвоем разместиться на площадке. — Я тебя вообще-то не ждала...

Внезапно она почувствовала, какая холодная и жесткая стена у нее за спиной. Очень холодная и очень жесткая, особенно когда по ней царапаешь ногтями, бьешь острым каблуком, пытаешься вырваться, мотаешь головой, задыхаясь, пытаешься крикнуть, еще не понимая, что мешает тебе дышать...

Глаза она все время держала открытыми и внезапно увидела лицо мужчины так, словно в подъезде вспыхнул яркий свет. «Свет, — пронеслось у нее в голове. — Кто-то включил свет. Здесь».

Ей казалось, что она борется все успешнее, вот-вот вырвется, вывернет шею из туго намотанного платка, исчезнет эта безжалостная стена позади нее. По крайней мере, боли больше не было. Боли не было совсем. Откуда-то появился воздух — воздух был светящийся, зеленый, почему-то совсем насыщенный — им невозможно было надышаться влать, невозможно было вздохнуть хоть раз. В ушах у нее оглушительно звенело, и она уже не чувствовала ни рук, ни ног, ни стены. Мужчину она тоже уже не видела.

В подъезде было совершенно темно и тихо. Женщина перестала сопротивляться, и теперь тому, кто видел эту пару со стороны, могло показаться, что это встретились любовники и мужчина нежно поддерживает обеими руками голову женщины, чтобы поцеловать ее в губы. Он тяжело дышал,

Привидения являются в полдень

она же не произносила ни звука. Спустя какое-то время он отпустил ее, резко дернув к себе обмотанный вокруг ее шеи шелковый шарфик. Женщина осела на пол, проехав спиной по грязной стене. Плащ собрался гармошкой у нее на плечах и рукавах, ноги вытянулись на всю площадку, с одной из них свалилась светлая туфля. Мужчина склонился над женщиной, торопливо обшарил ее одежду, задрал короткую узкую юбку и рывками принялся стягивать с ее бедер колготки и резко белеющие в темноте трусики. Внезапно ему показалось, что на каком-то этаже наверху открылась дверь. Он замер, прислушиваясь, и, убедившись, что где-то высоко действительно звучат чьи-то шаги, молниеносно выхватил из кармана ножницы, разрезал трусики по боковым швам и, сорвав их, сунул себе в карман и бегом бросился вон из подъезда.

Свою машину он оставил в дальнем конце двора, и к ней пришлось бежать, бежать не разбирая дороги, прямо по грязи и лужам, под дождем, который снова припустил вовсю. Наконец мужчина отпер дверцу, сел за руль, включил зажигание и торопливо стартовал. Насколько он видел, никто из подъезда не вышел, тем более не выбежал с диким криком, никто его не догонял. «Это могли быть соседи, — сказал он себе, вырывая на магистраль и вливаясь в поток машин. — Тише, не гони, тут пост. Проехали. Это могли быть соседи. Сосед пошел к соседу за шепоткой соли. Глупости. Никто за тобой не едет!»

Никто за ним не ехал, в этом он убедился, свернув на Пресню, углубившись в переулки и окольными путями выехав на Тверской бульвар. Убедив себя в этом, он включил «дворники», чтобы стереть с лобового стекла последние капли дождя, который перестал идти, опустил до половины стекло и сунул в рот плиточку мятной жевательной резинки — во рту был противный кислый вкус.

— Мерзавка! — сказал мужчина вслух, думая о том комочке материи, который лежал у него в кармане. — Моя милая, дорогая, моя душечка, мерзавка! Вот теперь все!

АННА МАЛЫШЕВА

Огни его машины мелькнули в конце бульвара и совсем перестали выделяться в потоке других, точно таких же огней.

«Отвратительный день, — подумала она, вынимая ногу из туфли и всовывая ее в тапочку с большим розовым помпоном. — Совершенно неудачно все сложилось, как назло! А его дома нет, гляди-ка! Без пятнадцати десять! И где шляется?»

Катя бросила сумочку на тумбу в прихожей, пристроила в угол большой пакет, из которого торчали две длинные французские булки и слегка увядшая белая роза, и прошла в комнату мужа. Когда-то, в начале их совместной жизни, эта комната называлась «общей», а другая, где теперь обитала она, — «спальной». Но общего у них с давних пор осталось так немного, а спали вместе они так редко, что эти две комнаты как-то сами собой поменяли свое предназначение и названия и теперь назывались просто — комната Кати и комната Игоря.

— Так, — сказала она вслух, оглядев обычный беспорядок. — Мы не убрались. Чего и следовало ожидать. Это все оставлено тебе, Катенька!

Она подняла с пола смятую рубашку, отметила машинально, что ворот ее стал совсем серым, прибавила к ней парочку валявшихся тут же носков и отметила про себя, что муж унесся куда-то как на пожар. В углу на столике бормотал невыключенный приемник, она сделала звук погромче и прослушала сводку погоды на завтра. В Москве ожидалась теплая солнечная погода, преимущественно без осадков. «Да, это весна, — сказала она себе. — А чудес что-то не видеть... Чудесная весна у меня, однако!»

На столике рядом с приемником стоял пустой стакан, она взяла его и понюхала. Слабо пахло джином.

— Он пил мой джин, — пожаловалась она неизвестно кому. — Куда я должна его спрятать, чтобы он к нему не прикладывался?! На работу унести и запереть в сейф?! Придурок!

Привидения являются в полдень

Стакан Катя унесла на кухню, рубашку и носки кинула в стиральную машину. Стирки снова набрался полный бак, но когда стирать, сушить и гладить — никому не известно. Но об этом Катя уже не думала. Она страшно замерзла и потому торопилась сделать себе что-нибудь горячее. Поставила чайник на плиту, сняла с себя мокрый белый пиджак и повесила его на спинку стула. В ванной разделась, окатилась горячей водой под душем, растерлась мохнатым полотенцем и несколько пришла в себя. Мир теперь не казался таким ужасным, каким был в ее глазах весь вечер. Плохо было только то, что начинала болеть голова.

«Я слишком много работаю, — сказала про себя Катя, выпив таблетку цитрамона. Подумала и выпила еще одну. — Все от этого. И еще от того, что покоя нет. Нет, хоть тресни, хоть расшибись ради этого покоя! Как мало мне, в сущности, надо! Но и этой малости нет... Хотя пора бы ей уже появиться, пора бы успокоиться...»

Чайник вскипел, и она устроилась за кухонным столом с большой фарфоровой кружкой в руке. Дула на дымящуюся поверхность чая, слушала редкий стук капель о стекло балкона и думала о сегодняшнем неудачном дне. В сущности, единственной настоящей неудачей был ее утренний визит в парикмахерскую. Но зато и неприятностей с этой стороны она никак не ожидала. Стриглась она уже несколько лет у одного и того же мастера. Мастер этот, а вернее, мастерица никогда не обманывала ее ожиданий. Во-первых, Ира Ардашева была ее старой школьной подругой, когда-то они вместе с Катей закончили десятый класс. Во-вторых, Ира на самом деле была классным парикмахером, и к ней на стрижку постоянно была записана целая очередь жаждущих преобразиться под ее ловкими, мягкими, всегда очень ухоженными руками. Катя как подруга и «просто как хороший человек», по выражению Иры, всегда проходила к ней без очереди. В довершение всего Ира никогда не брала с Кати

АННА МАЛЫШЕВА

денег сверх положенного, хотя та, смущенная своей привилегией, несколько раз пыталась сунуть ей «на чай». «Обойдусь! — отказывалась Ира. — Тебе нужнее!»

— Вот и обошлась! — пробормотала Катя себе под нос, ошупывая размокший и развившийся над ухом локон. — Боже мой, что она мне настригла!

Сегодня, впервые за последние два года, был совершенно разрушен образ Кати — тот самый образ, который Ира когда-то сама и создала. «Посмотри на себя в зеркало! — требовала она, усаживая Катю в кресло. — Ты ведь вылитая та баба, по которой все мужики в свое время сходили с ума!» Она показала Кате киножурнал, валявшийся у нее на столике, и Катя с удивлением узнала большой фотопортрет Марлен Дитрих. «Думаешь, есть что-то общее? — неуверенно спросила она тогда. — Мне так не кажется...» — «Скулы, нос, лоб, подбородок...» — зачатила Ира, вертя кресло вместе с Катей в разные стороны. Катя критически осматривала себя в зеркале. Да, действительно, Ира в чем-то была права. Насчет «вылитая» можно было поспорить, но что-то есть, что-то, несомненно, есть в этом лице, всегда слишком белом, сколько ни загорай, в этих высоких, дугами выгнутых тонких бровях и в этих глазах, спокойных серых глазах, которые всегда смотрят так, словно ждут чего-то... Хотя на самом деле ничего они не ждут, подумала тогда Катя и согласилась: «Ладно, стриги!»

И тогда, два года назад, она превратилась в Марлен Дитрих — в Марлен Дитрих с ее прямыми плечами, насмешливыми улыбками и светлыми брючными костюмами. И со светлыми локонами Марлен вокруг лица, которым все любовались с тех пор, как она себя помнила. Однако сама она не находила в нем ничего потрясающего — и не кривила душой. «Игорь сказал бы, что это мой обычный скептицизм, — подумала она, прихлебывая из кружки остывающий чай. — Интересно, что он скажет, увидев меня сегодня? И где он бродит в самом деле?»

Привидения являются в полдень

А на самом деле это ее не очень волновало: то, где он бродит, и то, что он скажет. В ее отношениях с мужем давно наметилась странная закономерность: она совершенно не замечала его, когда он был дома, но всегда замечала его отсутствие. «Я ревную? — Она улыбнулась одними уголками губ. — Глупости! Ревновать совершенно не к кому и не к чему... О, я бы даже обрадовалась, если бы могла его ревновать! Это бы значило, по крайней мере, что еще не все погибло... Но это все, все. Это конец».

Но от этих грустных размышлений, как ни странно, ей вовсе не сделалось грустно. Она погрузилась в воспоминания, чашка чаю стояла перед ней недопитой, рука теребила махровый пояс белого халата, но Катя, по-видимому, не признавала этого. Ее серые глаза потемнели, как было всегда, когда она о чем-то глубоко задумывалась, и приобрели странное выражение. Казалось, она кого-то видела перед собой, хотя кухня была совершенно пуста.

«Кажется, что все это началось очень давно, — думала она. — На самом деле — совсем недавно... Мне было двадцать лет. Восемь лет назад. Игорю было двадцать три. Студент биофака МГУ. Хорошая партия, как говорили все. Квартира, кооперативная квартира сразу, от его папы. Редкостное счастье, и все мне завидовали. Сам весьма недурен — высокий, лицо приятное, разве что несколько полноват... А глаза — зеленые, и еще красивей, чем у меня, пусть говорят что хотят. Да, глаза у него были красивые». Тут она поймала себя на мысли, что думает о муже в прошедшем времени. «Почему были? — удивилась она. — Разве сейчас они уже не так красивы, как раньше? Нет, для меня сейчас в нем нет ничего красивого. Все исчезло, хотя все осталось на месте. Но боже мой, почему? Значит ли это, что я никогда его не любила? То, что я чувствовала, обычно называют любовью. По крайней мере, так это принято было называть, сейчас я ни за что не

АННА МАЛЫШЕВА

сказала бы, что это любовь. Но это сейчас... Для этого надо стать такой, какая я есть...»

Она вздохнула, допила холодный чай и отправилась к себе в комнату. По дороге подняла с пола в прихожей пакет, достала оттуда розу, а длинные булки разломала, точнее, разорвала пополам и упаковала плотнее, чтобы они не высохли. Пакет она положила на холодильник в прихожей, а розу унесла к себе. С ней она и легла на тахту, свернулась калачиком и закрыла глаза. «Я очень устала, — сказала она себе. — Мне надо уснуть, и немедленно. Завтра рано на работу. Почему я не могу уснуть, не дожидаясь его прихода? Зачем мне нужно видеть, как он входит, смотрит этими своими собачьими глазами, точнее, глазами побитой собаки? Зачем слышать, как он говорит: «Ездил за мясом...»

Неужели это просто последняя видимость семейных отношений, которую я пытаюсь сохранить? Встречать мужа, говорить ему «привет». Ложиться спать — всегда у себя, всегда отдельно на этой тахте, вот уже четвертый год... Боже мой, как это дико! Если кто-нибудь услышит, что мы с ним живем вдвоем как монахи-отшельники, чисто и безгрешно, умрет со смеху! Впрочем, что тут умирать... Сразу скажет — лечиться надо. Он лечится, он уже четвертый год лечится, а толку нет. Врачи говорят ему: здесь плохая экология, у вас переутомление, расшатаны нервы, нужно серьезное лечение, смена обстановки... Но так говорят, когда больше нечего сказать. Все равно у него ничего не выйдет, ни с Марлен Дитрих, ни с Брижит Бардо! Это необратимо. Это смешно!»

Но она не засмеялась. Вздрогнули длинные ресницы, по лицу пробежала какая-то тень. В маленькой комнате над постелью горел зеленый светильник, освещающая ее белый халат, коротко стриженную голову, руку, которая все теребила и теребила лепестки увядшей розы. По подоконнику барабанили капли дождя, так громко, что ей показалось, что

Привидения являются в полдень

окно открыто. Она даже подняла голову и взгляделась в него, убедившись в своей ошибке, она снова закрыла глаза.

«Возможно, виновата я. Он всегда находил меня слишком холодной. Говорил: «Не будь такой надменной хотя бы в постели!» Возможно, я. Нет, при чем тут я, когда я всегда оставалась одной и той же, это он менялся с каждым годом! Если бы причина была во мне, в моем поведении, в постели или не в постели, тогда почему он с самого начала вовсе не был импотентом? Все было нормально, нечего сваливать на меня... Я бы поняла, если бы в конце концов ему надоела и он нашел бы себе другую женщину — для встреч или для новой семьи, мне, в сущности, все равно! Но он просто заболел. Принято обвинять женщин, но я не виновата ни в чем. Слишком холодна? Но, милый мой, мне-то не было холодно! Мне всегда было жарко, уж во фригидности меня обвинять смешно! В чем ты чувствовал холод? Во мне? Или этот холод всегда таился в тебе самом? Боже мой, теперь этого уже не понять... Теперь холод повсюду, холод между нами, да что там — холод! Лед, бронированное стекло! Две разные комнаты. «Привет, будешь ужинать? Будешь? Тогда приготовь себе ужин сам, я очень устала». Моя мама сошла бы с ума, если бы услышала, как мы с ним разговариваем. Но она никогда этого не слышала. Для нее все нормально, все как было. Нормальная семья. Я никогда никому не жаловалась. Когда он потерял свою работу и стал возить из этого дурацкого пригородного хозяйства мясо на какой-то базарчик, когда он стал зарабатывать какие-то копейки, стала зарабатывать я. Его мясо арестовывали, потому что у него не хватало каких-то справок, он не мог его сдать ни в один магазин — никто не работает с частными лицами, с ним случались все неприятности, все до единой, какие только могут постичь разорившегося коммерсанта-одиночку, а я кормила его. Может быть, из-за этого он стал импотентом?

АННА МАЛЫШЕВА

Из-за своей неудачи в делах? Из-за уязвленного самолюбия? Такое тоже бывает... Но нет, все началось куда раньше...»

Она открыла глаза и посмотрела на часы. Отметила, что уже без десяти одиннадцать, а его все нет.

«Это уже слишком. — Она поймала себя на том, что начинает беспокоиться. — Что могло случиться? Обычно он не задерживается так допоздна. Да и где ему задерживаться? На рынке ведь он не торгует, только сдает мясо торговцам. Ездит в пригород за мясом и привозит его в Москву, вот и весь бизнес. Но разве сегодня он собирался куда-то ехать? Кажется, нет... Или да, уже не знаю. Надо было спросить. Но зачем бы я стала спрашивать?»

Как раз в это время в замочной скважине повернулся ключ, и она услышала, как открылась входная дверь. Помимо своей воли она вскочила и вышла в прихожую.

— Поздно, — сорвалось у нее.

Он встретил эти слова удивленным взглядом.

— Ты что, беспокоилась? — спросил, наклоняясь и расшнуровывая ботинки. — Напрасно. Я немного задержался...

— Немного? — иронически переспросила она. — Уже одиннадцать!

— Я тебе удивляюсь. — Он выпрямился, и она почти с ненавистью встретила взгляд этих виноватых зеленых глаз. — Я ведь не маленький. Мне, конечно, очень приятно, что ты обо мне беспокоилась. Но ты ведь знала, что я поеду за мясом.

— За мясом? Нет, этого я не знала! — отрезала она. — И помилуй, какое мясо в такое время! Ночь на дворе!

— Мне надо было привезти мясо... — пробормотал он, боком стараясь протиснуться мимо Кати на кухню. — Мне заказали...

— Мяса полный холодильник. — Она открыла дверцу холодильника, стоявшего в прихожей. Из-за этого занятия мужа в квартире приходилось держать два холодильника,